

ЭФИОПСКАЯ РУЛЕТКА КАПИТАНА АБРАМЕНКО

Танкер Черноморского флота «Иман» подходил к Порт-Саиду, где в 40 милях была точка randevу с танкером Балтийского флота «Олекма», возвращавшимся после боевой службы в Красном море. Капитаны судов, знавшие друг друга по прежним совместным походам, заранее связались по радио. Информация капитана Лебедева на этот день была вполне их устраивающей – на архипелаге Дахлак пока не стреляли. Именно пока, потому что обстановка там менялась с каждым днем и отнюдь не в лучшую для нас сторону. Шла война между эфиопскими правительственными войсками и эритрейскими повстанцами, и верх явно брали эритрейцы.

«Иман» был 25 января 1990 года направлен в Красное море для несения боевой службы в составе 8-й оперативной эскадры для заправки кораблей и снабжения нашей военно-морской базы на острове Нокра. Танкер «под жвак» загрузили в Севастополе топливом, пресной водой, мешками с почтой и другими грузами для эскадры и базы. Обычное дело для давно «сплававшегося» экипажа, каждый из моряков не один раз бывал в этих местах, но сейчас ситуация была не совсем ясной, и это беспокоило капитана Владимира Абраменко. Танкер, хотя и нес флаг вспомогательного флота ВМФ, был укомплектован гражданским экипажем и не имел вооружения.

В обычном режиме прошли в Суэцкий канал, потянулись привычные берега, селения, сменили лоцмана в Исмаилии, вошли в Горькие озера, отстояли там положенное время, пропустив встречный караван, и, наконец, впереди показались Суэц и Суэцкий залив. Капитан вздохнул спокойно, но позволил себе расслабиться и сойти с мостика только после того, как танкер, покинув рейд Суэца, дал полный ход, держа курс на архипелаг Дахлак. Сказалось напряжение последних дней и он, прикорнув на диванчике в каюте, сразу провалился в сон. Он хорошо знал своих штурманов и механиков – эти не подведут. Не волновался и за танкер, добротный построенный финнами на верфях «Раума-Репола» в 1966 году и недавно прошедший ремонт. Он любил свое судно – «двух-островной» красавец, водоизмещением 6440 т, нарядно выкрашенный по типу «белый верх – черный низ» с изящными обводами и надежной машиной «Бурмейстер ог Вайн», исправно выдававшей свои проектные 14 узлов. Не раз приходилось на нем испытывать жестокие черноморские штормы, тайфуны Атлантики и Индийского океана. А сколько было заправок боевых кораблей в Средиземке!

Через четыре дня «Иман» вошел в бухту Губбет-мус-Нефит и северным проходом прошел к базе. Ошвартовались кормой к первому пирсу и начали перекачку топлива и воды в береговые цистерны. В подошедшие машины сгружали продовольствие и долгожданную почту в мешках. Островитяне, пожалуй, радовались этому больше всего – на пирс сбежалось все население, включая женщин и детей.

Командир и замполит базы зашли в гости. Накрыли стол в капитанской каюте, поговорили о последних событиях и новостях севастопольской жизни. На острове, как обычно, стояла жара под 50 градусов, и жить нормально можно было только с кондиционерами. Впрочем, наши моряки быстро адаптировались к экстремальным условиям. Ходили черные от загара и поджарые – тропический зной быстро выгонял из тела лишнюю воду. Особенно интересно выглядели морские пехотинцы, идущие в караул – каски, бронежилеты на голое тело, шорты и тапочки «на босу ногу». Остров жил пока внешне спокойной жизнью, но напряжение уже чувствовалось во всем. Морские пехотинцы долбили в неподатливом известняке дополнительные огневые точки, капониры для танков и БМП, строили подземный командный пункт. Прибавилось и эфиопских кораблей, усиливалась и внешняя охрана побережья частями эфиопского спецназа.

Танкер медленно поднимался над причалом из воды по мере того, как из него выкачивалось горючее. Вокруг него невозмутимо плавали и летали почти ручные пеликаны, которых постоянно подкармливали камбузными отходами моряки.

Вечером Абраменко вызвали в штаб базы – пришла шифровка для него. После раздачи груза танкеру предписывалось идти в Аден для пополнения запасов горючего, пресной воды и закупки свежих овощей. Дальнейшую задачу поставят в штабе оперативной эскадры.

Переход до Адена не занял много времени, всего пару дней, погода вполне благоприятствовала и вскоре танкер бросил якорь на внешнем рейде. После прохождения портовых формальностей сразу же пришел приказ ошвартоваться у борта штабного корабля управления «Даурия» для передачи груза и заправки топливом. Командному составу танкера надлежало прибыть к заместителю командующего эскадрой для получения дальнейших указаний.

Швартовка к борту «Даурии» прошла четко, пневмокранцы мягко спружинили, через борт сразу пробросили трапы с леерами, и началась разгрузка.

Под борт штабного корабля сразу потянулись катера с наших кораблей за почтой, каждый хотел получить заветный конверт с адресом «Москва-400».

Проинструктивровав вахтенного помощника по поводу отдачи топлива и пресной воды, капитан с замполитом, старпомом и стармехом проследовали в адмиральский салон к заместителю командующего оперативной эскадрой контр-адмиралу Бояркину.

Корабль управления «Даурия» (так же как и его сестер-шипы «Тамань» и «Баскунчак») был переоборудован из лесовоза ледового класса и особым комфортом не отличался — кондиционеры были только в адмиральских каютах, да и те тянули еле-еле, так что ознакомление с обстановкой в Красном море проходило в более чем теплой обстановке.

Капитан 1 ранга Иващенко, начальник разведки эскадры, стоя у карты, кратко ознакомил с обстановкой:

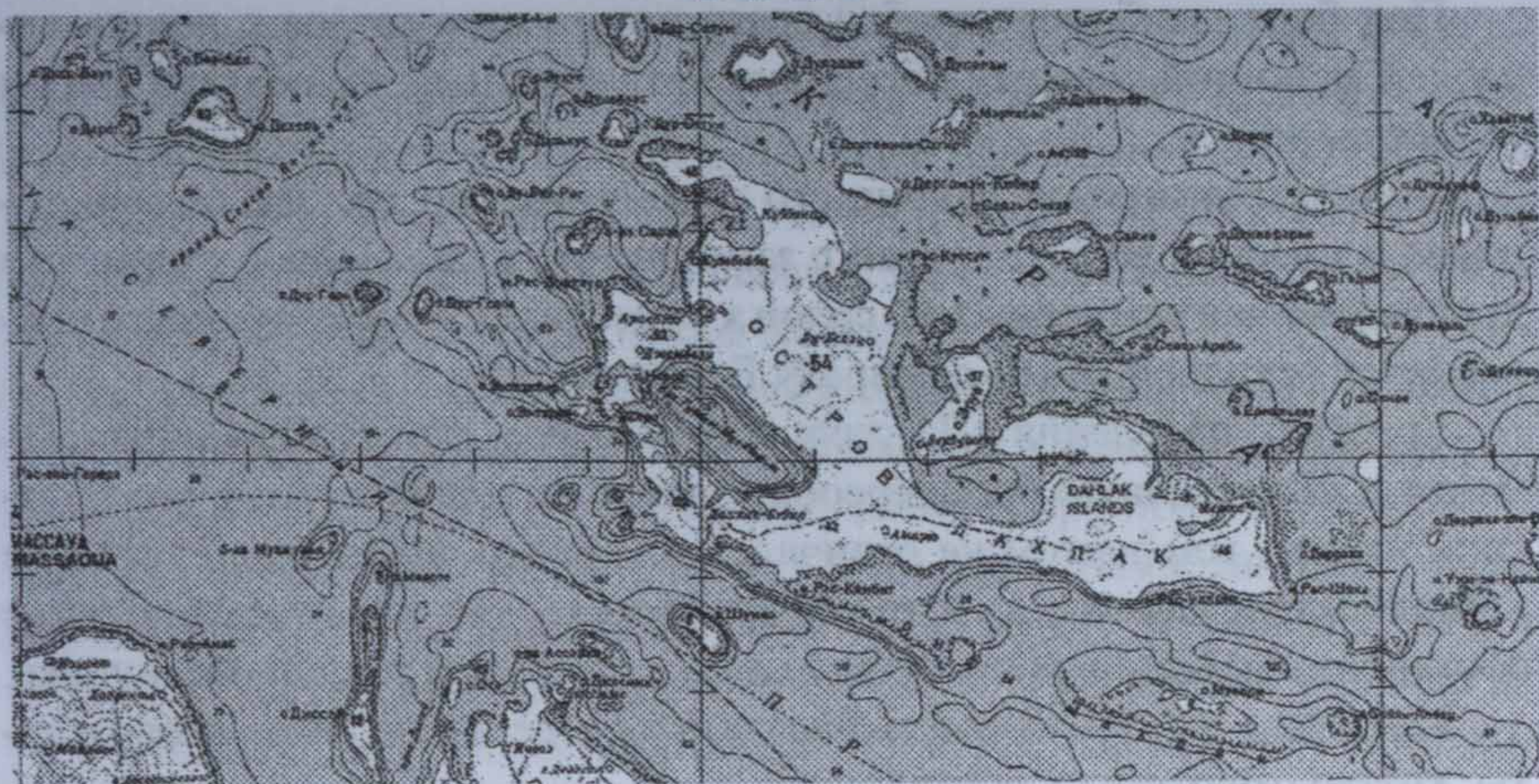
— Ситуация вокруг нашей базы на Нокре складывалась неблагоприятно. После недавнего захвата эритрейцами порта Массауа, где в руки повстанцев попала вся матчасть бригады береговой артиллерии и склады боеприпасов, обстановка в перспективе могла еще более осложниться — 130-мм орудия имели дальность стрельбы 28 километров и могли на предельной дальности достать до острова. Конечно, о точности попаданий речи быть не могло, но ущерб это нанесло бы изрядный, не говоря уже о человеческих жертвах.

Остатки кораблей эфиопского флота и разбитых армейских частей перебазировались на острова архипелага Дахлак, в непосредственной близости с нашими позициями. И теперь при обстреле архипелага под огонь береговой артиллерии неизбежно попадут береговые сооружения и корабли базы. На десантном корабле на остров недавно были доставлены стройматериалы и сборные конструкции для долговременных огневых точек.

Да и снабжение могло проводиться только по морю, при этом вся нагрузка ложилась на танкер, так как гражданские суда Минморфлота в зону боевых действий входить не могли. По сути дела, наш 933-й ПМТО* оказался в блокаде, которую надо было прорывать. На сегодняшний день в проливах пока спокойно, эритрейцы проводят перегруппировку войск и перебазируют свой флот.

«Иману» предстояло уже завтра перейти во внутреннюю гавань к бочке № 1, загрузиться водой, топливом, принять баржу с грузом ово-

* ПМТО — пункт материально-технического обеспечения.

щей и следовать в точку встречи с кораблями охраны. Затем в составе конвоя под охраной артиллерийского катера АК-312 и морского тральщика «Разведчик» следовать через пролив Массауа к острову Нокра.

После инструктажа, явно не прибавившего оптимизма, Абраменко получил у «секретчика», старого знакомого мичмана Балко, запечатанные пакеты секретной почты для командира ПМТО и вернулся на танкер. Надо было готовиться к переходу.

Первый обстрел

Подготовка к походу много времени не заняла — путь был известен и другого просто не существовало. Поэтому Абраменко со старпомом и штурманами еще раз на рабочей карте проложили пунктиром рекомендованные курсы. Узкий пролив Массауа-Южный изобиловал отмелями и коралловыми рифами, по обеим сторонам было множество необитаемых островов, наиболее крупными из них являлись острова Асарка, Шума, и со стороны материка далеко выдавался полуостров Бури. В принципе, артиллерийский огонь можно было ожидать только со стороны Бури, но пока только теоретически, до Дахлака расстояние было как раз 27 километров — предел для прицельной дальности 130-мм орудий.

Проиграв по карте несколько вариантов, остановились на том же

курсе, каким прошли ранее – особо тут не поманеврируешь, тем более с полным грузом и солидной осадкой.

Второй помощник доложил об окончании приемки топлива и груза овощей. Капитан расписался в документах, заверил их судовой печатью. Йеменская баржа отвалила от борта. Пора!

Абраменко взял микрофон судовой трансляции, нажал тангенту:

– По местам стоять, с якоря и бочки сниматься! Баковым на бак, ютовым на ют!

Загрохотала якорь-цепь, матрос из шланга сбивал с нее грязь и донный ил. Танкер малым ходом начал маневрирование по выходу из порта. Через несколько часов, за пределами территориальных вод Йемена, в Баб-эль-Мандебском проливе предстояла встреча с тральщиком «Разведчик» и артиллерийским катером АК-312.

Уже ночью стали на якорь, к борту пришвартовался тральщик. Пока капитан обговаривал с командиром тральщика порядок следования, курсы и скорости, дозправили его дефицитной питьевой водой. Командир «Разведчика» капитан-лейтенант Носенко, как старший на переходе, установил скорость прохождения конвоя в проливе в 9 узлов, главным образом из-за риска напороться на рифы. Танкер, из-за большой осадки, должен был следовать по центру пролива за тральщиком, сзади следовал АК-312.

Танкер снялся за полночь с якоря, и уже к 6 утра корабли конвоя были в территориальных водах Эфиопии. Вошли в пролив Массауа-Южный, погода была отличной, но уже навалилась жара, от нагретой палубы начало подниматься марево. На кораблях конвоя шла обычная утренняя жизнь: матросы драили палубу, расхаживали механизмы, орудийные расчеты проворачивали башни. Спаренные стволы 30-мм пушек АК-230, зенитных автоматов 2М-3М и крупнокалиберных пулеметов грозно смотрели в сторону берегов.

Пока все было спокойно, но тревожное предчувствие не оставляло Абраменко. После обеда, когда впереди вырисовались скалы острова Шума, с тральщика передали сигнал «Боевая тревога». Абраменко объявил общесудовую тревогу и дал на всякий случай указание аварийным партиям быть в готовности № 1. Сразу по своим постам забегали моряки, задраивались на «броняшки» иллюминаторы и двери, помеченные буквой «Т».

Сам Абраменко с первым помощником капитана Пикиным вышел на левое крыло мостика, осматривая острова в бинокль.

Вдруг на траверзе Шумы из-за скал острова послышался протяжный вой, и небо прочертили трассы летящих реактивных снарядов.

– «Грады» бьют! – только и успел вымолвить Пикин.

Слева по носу, в полукабельтове рванул первый снаряд, вырос белый водяной столб и засвистели осколки. Судно въехало прямо в опадающий столб воды, запахло сгоревшей взрывчаткой, по палубе со звоном запрыгали осколки. Корпус сотряс гидродинамический удар, как будто танкеру ударило гигантской кувалдой. Тральщик и катер сразу увеличили ход и начали противоартиллерийский зигзаг.

– Стоп машина! – крикнул капитан, мгновенно сообразив, что надо сбить прицел артиллеристам. Вахтенный помощник рванул ручки машинного телеграфа на «стоп». Танкер, гася инерцию, прошел еще с полкабельтова.

– Записать в судовой журнал: «В 15.49 судно подвергается обстрелу», – распорядился капитан.

Война войной, а запись в журнале должна быть неукоснительно.

В это время впереди по курсу, где он должен был пройти на прежнем ходу, в 2 кабельтовых, рванули еще два взрыва, гулом отдавшиеся по всему корпусу. Абраменко посмотрел на судовые часы, было 15.56.

Из машины позвонил встревоженный стармех:

– Что там у вас? Как будто торпедой в борт шарахнули!

– Нормально. Стреляют по нам из «Градов», будем прорываться! Давай самый полный!

– Есть самый полный!

Корпус затрясся от оборотов винта, последовательно выдерживать режимы хода было некогда – танкер лишился возможности маневрировать из-за близости рифов. Острые коралловые клыки уже выглядывали из пены прибоя в полумиле от борта. Оставался только один выход – на полном ходу выскочить из-под прицельного огня. Иначе при прямом попадании – взрыв и море пламени от горящего мазута и соляра. И никаких шансов выжить – море кишело акулами.

За кормой прямо в кильватерном следе рванул еще один снаряд, другой разорвался невдалеке от тральщика. С него посыпались в воду дымовые шашки, и вскоре плотный серо-белый дым затянул корабли конвоя. «Иман», оставив за кормой дымное облако, резво летел к базе, развив свою проектную 14-узловую скорость.

– Кажется, вырвались! – сказал капитан, вытирая враз повлажневший лоб.

– Ага, пронесло... – запинаясь, проговорил бледный рулевой.

– И меня тоже... – иронично отозвался вахтенный штурман, намекая на известный бородатый анекдот о Чапаеве.

На мостике грянул хохот. Сразу спало нечеловеческое напряжение – ведь никто еще из команды никогда не бывал под обстрелом. Но паники не было, даже женщины на камбузе спокойно готовили ужин. С постов стали поступать доклады – все было в порядке, только осколком перебило магистраль с фреоном для рефрижераторного трюма.

– Средний ход! – скомандовал капитан.

– Есть! – звякнул машинным телеграфом вахтенный помощник.

«Иман» сбавил ход, поджидая корабли конвоя, уже показавшиеся из дымного облака.

В 17 часов экипаж, по расписанию, ужинал, оживленно обсуждая подробности.

В базу входили как положено, кильватерным строем, через северный проход. На рейде и у пирсов порядком добавилось эфиопских кораблей и катеров. Видно, все, что осталось от флота, перебралось на Нокру, под защиту советских кораблей.

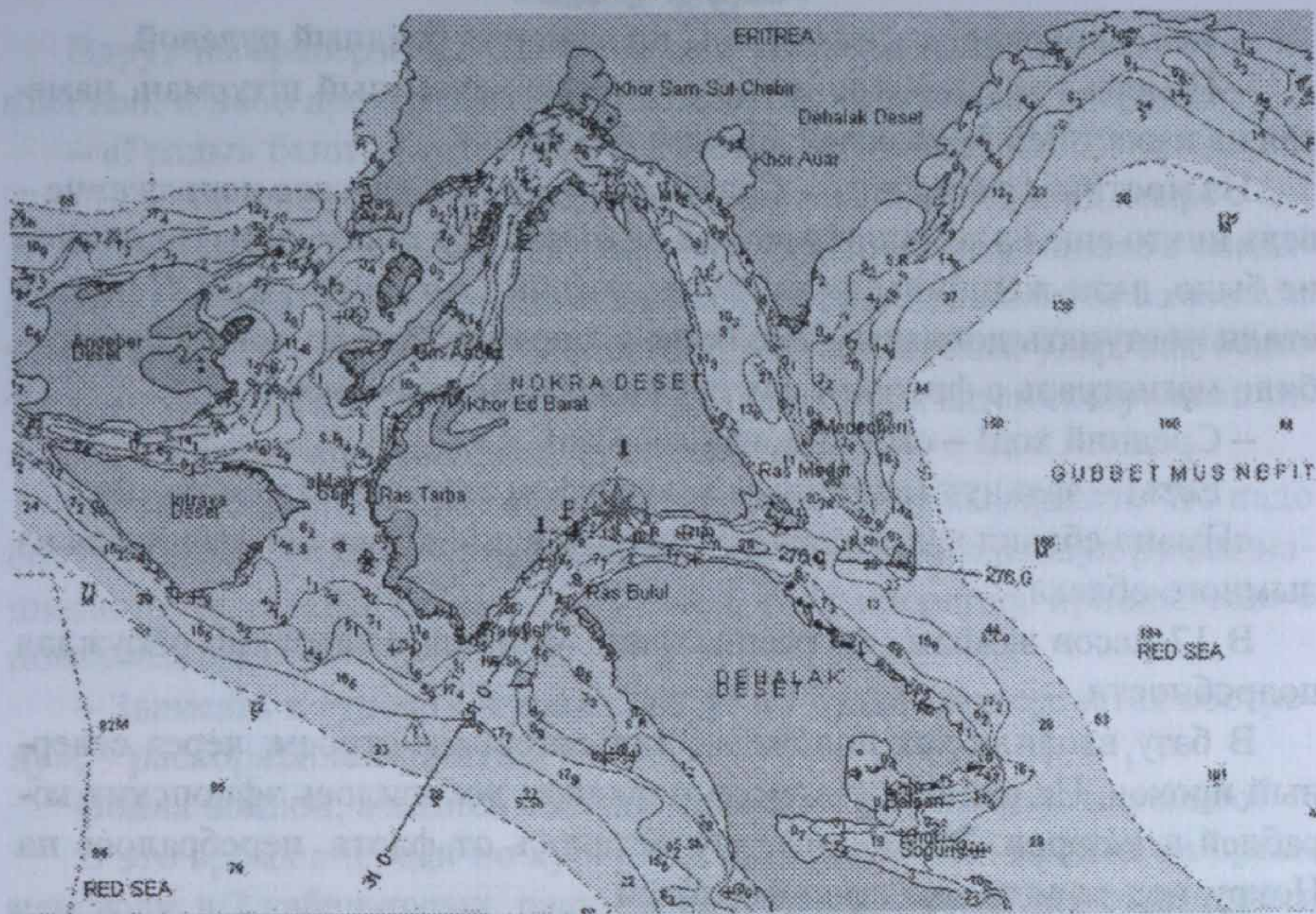
Ошвартовались в 17.50 кормой ко второму причалу, рядом с плавмастерской ПМ-97. Боцман принес в фуражке с десятков рваных зазубренных осколков. Капитан прихватил с собой несколько штук, и с первым помощником направился в штаб базы. Надо было решать, как жить дальше. Война уже приоткрыла свое лицо...

Остров готовится к бою

В штабе базы их уже ждали. В кабинете командира ПМТО капитана 1-го ранга Б. Пленкова собрались командиры кораблей и капитаны вспомогательных судов, командир и замполит батальона морской пехоты, командир и флагманские специалисты 85-й оперативной бригады. Было жарко, несмотря на кондиционер – за бортом все же была эфиопская «зима» в 42 градуса. Всю заднюю стенку кабинета занимала огромная карта архипелага Дахлак и Красного моря вплоть до Адена.

Командир обвел взглядом собравшихся и негромко начал:

– За последние трое суток ситуация осложнилась. После взятия города и порта Массауа эфиопский флот потерял свою ремонтную базу и склады материального обеспечения. Большая часть боеспособных ко-

раблей и остатков сухопутных частей перешла на архипелаг Дахлак, на Нокру и соседние острова Фатма и Дахлак-Кебир. Флот будет базироваться рядом с нами, на 1-м причале. На ремонте в доке сейчас находятся сторожевой корабль и торпедный катер, получившие боевые повреждения. Снабжение боеприпасами у них будет свое – плавучий склад стоит на рейде. Часть полка спецназа будет охранять острова с побережья, патрульные катера и сторожевые корабли охраняют акваторию. По данным авиаразведки, полученным из Аддис-Абебы, эритрейцы концентрируют свой флот в Массауа и возле островов Асарка. На полуострове Бури также отмечена активность, туда перебрасывается техника. Не исключено, что там будут размещены артиллерийские батареи для обстрела архипелага.

Три дня назад на остров прибыли из Массауа наши военные советники и авиагруппа из осажденного города Асмэра на вертолетах МИ-8. Положение сложное. Мы не находимся в состоянии войны с эритрейским Фронтом национального освобождения, но сейчас ПМТО оказалось в зоне военных действий, где, возможно, придется обороняться с применением штатного вооружения. Прошу запомнить, что применение оружия – только в ответ на непосредственное нападение. Таков

приказ! Как вы знаете, сегодня с острова Шума был обстрелян реактивными снарядами наш конвой. Обошлось без потерь, но выводы надо делать. Я доложил о случившемся на эскадру, будем ждать распоряжений.

Сейчас приказываю начать укрепление обороны ПМТО по периметру, используя имеющуюся технику. Танки, БМП и БТР, «Шилки» вывести из парков и поставить в капониры в качестве огневых точек, укомплектовав боезапасом из расчета двух комплектов. Батальону морской пехоты оборудовать запасные рубежи обороны. Произвести пристрелку рубежей заградительного огня на случай появления кораблей. Из личного состава базы создать и вооружить резервные стрелковые подразделения, обучить тактике ведения боя в обороне. Медицинской службе быть в готовности.

Теперь о боевых кораблях. Десантный корабль будем использовать для корректировки огня – там имеется радиометрический пост, и для прикрытия прохода в бухту. Тральщик «Разведчик» и АК-312 будут задействованы в проводке конвоев. Вспомогательные суда рассредоточить по акватории.

Более конкретные указания получите у начальника штаба. Завтра жду вас с подробными планами подготовки к 18 часам.

Да, и еще. Нами принято решение об эвакуации семей, наше дело – военное, а семьями рисковать не имеем права. Воздушным путем не получится – наша площадка не позволяет принимать транспортные самолеты. Будем эвакуировать морем, через Аден или Джибути. Я уже послал запрос в штаб эскадры на пассажирское судно, ответа пока нет. Готовьте семьи. В ближайшее время вопрос транспорта будет решен.

Все свободны. Начальнику политотдела и капитану танкера «Иман» остаться.

Офицеры вышли из кабинета.

– До совещания я переговорил с командованием эскадры, по согласованию с ним мною подготовлена радиограмма на имя начальника Главного штаба ВМФ о нецелесообразности дальнейшего пребывания ПМТО в этом районе. Мы не можем вести ремонт и обеспечение кораблей и подводных лодок, находясь фактически в осаде. Не сегодня – завтра может начаться обстрел острова, возможны потери среди личного состава и кораблей. Эритрейцы на взятии Массауа не остановятся и будут продолжать наступать дальше. Эфиопские сухопутные части и флот в этом районе разбиты, и будут скоро отрезаны от баз снабжения. Не исключен в последующем и десант эритрейцев на архипелаг. Со 2 февраля указом

президента Эфиопии архипелаг Дахлак официально объявлен фронтом. Массауа уже бомбит эфиопская авиация. Так что мы с вами находимся в зоне боевых действий, и эвакуация базы лишь вопрос времени. Но пока нет приказа – будем стоять, если потребуется – вступим в бой. Не исключены бои на море, эритрейцы подтянули малый флот, их катера уже нападают на корабли, вчера сожгли танкер у Массауа и утопили патрульный катер. До этого в январе обстреляли и сожгли польский сухогруз «Болеслав Кривоустый», экипаж захватили. Обстреляли югославский теплоход «Коста Стаменкович», польский «Адам Аснык» и шведский «Свеа Атлантик». Торговое судоходство в этом районе временно запрещено. Теперь о главном на сегодня. Надо готовить семьи к эвакуации, проводить работу среди женщин. Многие хотят остаться с мужьями, и этого нельзя допустить. Это работа для политотдела, отвечаете лично. Отсюда-то отправим в любом случае, но надо подготовить встречу в Москве. Сейчас февраль, там зима, семьи без теплой одежды, обуви, да и советских денег у них нет. А надо добираться до дома. Будем согласовывать этот вопрос в Главном штабе ВМФ.

– Владимир Станиславович!

Капитан встал.

– Мы рассматривали вопрос о том, на каком судне эвакуировать семьи. Катер и тральщик отпадают, десантный корабль тоже. Буксир МБ-304 слишком мал. Наиболее подходящий вариант – плавмастерская ПМ-97, но тут нужен приказ из Москвы. Я уже послал соответствующий запрос. В Адене подходящих советских судов нет, а затягивать этот вопрос дальше невозможно. Скорее всего, если командование не предложит другого решения, придется задействовать ваш танкер, хотя это тоже не самый лучший вариант. Как, справитесь?

– Товарищ капитан первого ранга! Мы-то справимся, но ведь это очень опасно, танкер после отдачи груза полупустой. Танки не провентилированы, в них есть пары горючего, а температура за бортом за 40 градусов. Малейшее попадание снаряда – и взрыв. Риск большой. Но если надо – мы конечно пойдём! Но лучше бы задействовать плавмастерскую, там, если ремонтников снять с борта, помещений же гораздо больше.

– Сколько времени уйдет на подготовку и что вам необходимо для принятия на борт людей? Их будет 38 человек, и они уже готовятся к отправке. Правда, политотдел с ног сбивается – убеждает уехать. Не хотят и все тут...

– Подготовим свои каюты к приему пассажиров, разместим своих людей на верхней палубе и по постам. Провизия у нас имеется, так что готовиться особого времени не нужно. И еще, на случай нападения катеров прошу вооружить экипаж стрелковым оружием, а то у меня только один ПМ с парой обойм, да и тот в сейфе. Отбиваться нечем, если нас начнут катера захватывать. Я понимаю, что это не принято – гражданских людей вооружать, но и под снарядами мы тоже не должны были ходить. Поэтому, раз уж в боевые условия попали, прошу выделить пулеметы и автоматы с запасом патронов. И выделенных людей из экипажа завтра немного потренировать на стрельбище.

Командир базы устало встал с кресла.

– Задачу уяснили. Сейчас всем готовиться. У меня через 20 минут связь с Москвой и эскадрой. О результатах вас известят из штаба. Все свободны...

Капитан с первым помощником вышли из кабинета озадаченные предстоящим. Все так вот сразу обрушилось, сломав привычный ход вещей. И обстрел, и перевозка семей и вооружение судна.

Вернувшись на судно, собрали экипаж и рассказали о поставленных задачах. Судя по враз посерьезневшим лицам, все моряки поняли ситуацию правильно. После собрания сразу начали готовить каюты, освобождая их от личных вещей. Командный состав собрался у капитана.

Не успели начать, как зазвонил береговой телефон. Звонок был от начальника штаба, он сообщил, что из Москвы приказали эвакуировать семьи на танкере, который должен быть готов к выходу через день. Завтра с утра необходимо будет получить на складе РАВ базы стрелковое оружие – два ручных пулемета ПКП, пять автоматов АКМ и полторы тысячи патронов. Накладные уже готовы. Группа стрелков должна быть на стрельбище к 8.30.

Совещание у капитана было недолгим. Все уже знали, что надо делать. Разногласия были только со стрелками – добровольцев было слишком много, отобрали тех, кто не задействован в аварийных партиях и может быть подменен на вахте. Примерно наметили, где должны быть огневые точки на палубе и мостике, и как их защитить от ответного огня.

Разошлись поздно. Во мраке тропической ночи тускло светились только топовые огни кораблей – на острове уже ввели светомаскировку. Спалось тревожно.

Но только утром на стрельбище, прижимая к плечу трясущийся от

длинных очередей приклад пулемета и вдыхая запах сгоревшего пороха, капитан вдруг осознал, что возврата к миру не будет и что они все, весь остров и все моряки, уже на войне, и что будет кровь...

Эвакуация семей

На стрельбище моряки провели несколько часов, пока палящее солнце сделало пребывание уже невыносимым, а марево от раскаленной земли стало искажать очертания камней-мишеней. Не жалели патронов, щедро выделенных морпехами, заодно и пристреляли новенькое, еще в смазке, оружие. Возвращались на танкер уже уверенные, что выстоят в случае чего, и уж задешево-то жизнь не продадут.

А на судне было невесело – делегация женщин, пришедшая посмотреть каюты, проходя по палубе, наткнулась на большие осколки от «градовских» ракет, которые не успели в суматохе убрать. Поднялся крик и плач, они побежали в штаб, и устроил там приличный скандалчик, который с большим трудом удалось унять начальнику политотдела базы капитану 2-го ранга Демченко и его заму капитану 2-го ранга Агеевко. Пришлось им устроить разговор женщин с Москвой, откуда подтвердили, что другого транспорта не будет. Женщины вытерли слезы и дисциплинированно (все же офицерские жены) побежали укладываться в дорогу.

Капитан со старпомом еще раз прошли по танкеру – решали вопрос с огневыми точками, секторами ведения огня и расстановкой стрелков. Боцман с палубной командой уже привезли мешки с песком и выкладывали защитные ограждения на крыльях ходового мостика, где должны быть пулеметы, которые доверили штурманам Юрию Фролову и Валерию Дикареву. На баке готовил место автоматчик матрос Анатолий Плеханов, на корме у трех клюзов – импровизированных амбразур, облюбовал место первый помощник Константин Пикин, подтащив цинк с патронами. Начальник радиостанции Михаил Карахтинцев и котельный машинист Яков Плевако контролировали шкафуты правого и левого бортов. На том и решили остановиться – о более плохих вариантах и думать не хотелось.

Конечно, даже вооруженный танкер – это далеко не броненосец «Потемкин», но на крайний случай сойдет, тем более что ходить придется в конвоях под охраной корабельной артиллерии.

После обеда на «Иман» прибыл начальник политотдела базы, несколько офицеров и с десятков матросов – контролировать погрузку семей и помогать разносить вещи по каютам.

И через пару часов уже потянулись женщины, офицеры и мичманы с вещами. В капитанскую, самую большую каюту поместили двух женщин и четырех детей. Погрузка и размещение пассажиров шла до позднего вечера под руководством старпома и первого помощника. Все моряки разместились по своим постам или под тентом на верхней палубе.

Абраменко и начальник политотдела с командирами кораблей конвоя беседовали в ходовой рубке.

– По договоренности с эфиопским командованием ночью должны будут выйти в море несколько патрульных катеров, в 6 часов утра эфиопский сторожевик «Зарай Дерес», выйдя из базы, даст два залпа из кормовой установки «Град» по полуострову Бури и мысу Рас-Корали, где, по данным воздушной разведки, возможно нахождение артиллерии. Кочующие «шеститрубные» установки «Град», из которых, видимо, вас обстреливали с Шумы, засечь с воздуха невозможно – их все время перемещают и тщательно маскируют. Правда, и прицельный точный огонь они вести не могут. Затем выходит наш конвой и под прикрытием дымзавесы на скорости проходит пролив и острова Асарка, далее до Адена. Там высаживаете людей на берег, далее транспортом посольства их везут в аэропорт Эль-Анад, оттуда транспортным бортом до Шереметьево, где их уже встретят представители Главного штаба ВМФ. Такая вот схема

– Вы вот сказали, что эритрейцы с «Градов» прицельный огонь вести не могут. Значит, прямое попадание – дело случая. «Русская рулетка» какая-то получается!

– Да уж скорее эфиопская. Тут все-таки не наган с одним патроном, да и мы не царские офицеры. Хотя аналогия мне нравится, Владимир Станиславович, так и будем считать, что каждый конвой – это вроде рулетки, – засмеялся начальник политотдела. – Шуму проскочили без обстрела – считай, повезло. А если серьезно, то надо семьи довести без происшествий. Эритрейцев, если что, за своих родных с землей смешаем на этих островах. Да они и сами понимают, что с Союзом воевать у них кишка тонка. Но нам здесь веселую жизнь могут устроить...

Договорившись о порядке взаимодействия кораблей и «проиграв» еще раз курсы маневрирования конвоя по рабочим картам, командиры разошлись по своим кораблям.

Последнюю ночь на острове женщины и дети провели еще в своих квартирах, а с рассветом 18 февраля перебрались на танкер.

Тральщик и АК-312 уже были на внешнем рейде. Танкер малым ходом двинулся к выходу из бухты. На берегу было все мужское население острова, не занятое на позициях. Махали на прощание фуражками, знали, что увидятся еще не скоро. Женщины, как водится, всплакнули, а детишки, столпившись на корме, еще долго смотрели на исчезающий за кормой остров. Сюда они уже больше никогда не вернутся...

От черной точки эфиопского сторожевика в сторону берега потянулись огненные хвосты реактивных снарядов «Града» и донесся приглушенный расстоянием душераздирающий вой. На берегу сразу вспухли клубы дыма и огня, донесся гул разрывов.

На конвое сыграли боевую тревогу, матросы в касках и бронежилетах разбежались по орудиям и пулеметам. Моряки танкера тоже заняли свои огневые точки, аварийные партии разворачивали шланги по палубе. Корабли дали полный ход – прорыв начался...

Однако, вопреки ожиданиям, до самого выхода из пролива Массауа-Южный по курсу конвоя не упало ни одного снаряда, только радиометристы тральщика засекли у острова Шума десяток неподвижных целей. Видимо, это были эритрейские катера, не рискнувшие напасть в этот раз. Или не знали о конвое, или, наоборот, знали, что везут женщин и детей. Каждые полчаса, пока не прошли пролив, капитан танкера выходил на связь с базой, докладывая обстановку. Только после выхода из территориальных вод Эфиопии спало напряжение.

На судне все было спокойно, часть женщин помогала на камбузе, пассажиры питались в столовой команды и кают-компании в первую очередь, детишки с визгом носились по палубе. Стояла отличная для этих мест погода. Так и прошел первый день похода.

Сколь своевременно была проведена эвакуация, капитан понял только ночью, разбуженный срочной радиограммой. На море у входа в пролив произошел ожесточенный бой между эфиопскими сторожевыми кораблями и боевыми катерами эритрейцев. С обеих сторон имеются потери. Остров был обстрелян пулеметным огнем с незаметно подкрававшихся катеров, погибло несколько эфиопских солдат.

Так что «рулетка» на этот раз сработала впустую. Пронесло.

На следующий день вошли на рейд Адена, пассажиров на судовых шлюпках переправили на берег, где их ждали автобусы. Попрошались тепло. Военно-транспортный Ан-12 доставил семьи в зимнюю, фев-

ральскую Москву, прямо в тридцатиградусный мороз. Главный штаб ВМФ сработал четко – у трапа островитян ждали автобусы с теплыми вещами и финансисты с пачками денег.

Дальше для танкера началась обычная работа – пополнились водой, загрузили продовольствие и заправились горючим со стоящего на рейде танкера «Интернационал». 24 февраля конвой снялся с якоря и направился на Дахлак.

На сей раз проскочить без обстрела не удалось. В 14.30 из-за проклятой Шумы вновь раздался вой, и снаряды «Градов» кучно легли по курсу конвоя. Тральщик и АК-312 на полном ходу поставили дымовую завесу, под прикрытием которой танкеру удалось проскочить простреливаемый участок пролива, «поймав» лишь несколько мелких осколков. «Эфиопская рулетка» крутила свой барабан...

Нелегкие будни

Вырвавшись полным ходом из дымзавесы, «Иман» без повреждений (царапины на надстройке не в счет) дошел до входа в бухту Губбет-мус-Нефит. На рейде уже дежурили эфиопские патрульные катера с расчехленными крупнокалиберными пулеметами. Абраменко посмотрел назад, увидел, как из плотной белой пелены вышли сначала АК-312, а затем и тральщик, вздохнул облегченно – проскочили мужики. Сейчас до следующего конвоя неделю-другую можно провести более или менее спокойно. Хотя какое уж тут спокойствие!

Ошвартовались на своем месте на 2-м причале и с ходу начали откачивать топливо и пресную воду в береговые цистерны и на ПМ-97. Тут же к трапу подскочил камуфлированный «УАЗ» и на борт поднялся

Эфиопский патрульный катер

начальник политотдела с двумя офицерами. Сели в капитанской каюте. Сразу посыпались расспросы, как прошел рейс, как вели себя женщины с детьми, как прошла высадка в Адене.

Абраменко рассказал, как оно было, удивился, что по пути в Аден не обстреливали.

Один из офицеров, как оказалось, разведчик, загадочно улыбнулся и сказал, что по своей линии через агентуру, предупредили эритрейцев о последствиях. Собственно они и знали о том, что конвой везет семьи (у них тоже разведка не дремлет), поэтому и обстреляли вас только на обратном пути. Эритрейское радио заявило, что пока мы будем помогать эфиопам, они будут нас обстреливать.

— А поскольку мы им помогать будем — стрелять по нам тоже будут постоянно, — невесело подытожил Абраменко.

— Да, я тут хотел вам кое-что сообщить из последних разведданных. Эритрейцы закупили за границей порядка тридцати скоростных катеров разного типа и вооружили их крупнокалиберными пулеметами «Браунинг», безоткатными 107-мм орудиями и трубами от установок «Град». Половина из них с деревянными или пластиковыми корпусами, радиолокатором трудно улавливаются. Ставят даже подвесные моторы «Ямаха» на рыбацкие шхуны «дхоу» и развивают на них скорость до 40 узлов. А локатор начинает их брать только за две мили. Уже отработали тактику «москитов» — налетают сразу по несколько штук на эфиопский корабль, дают ливень огня и потом уже добивают. Уже утопили один и повредили несколько патрульных катеров. Если что не по зубам — быстро отскакивают. Поэтому главное — не допустить их на дистанцию пулеметного огня. Возможности артиллерии наших кораблей это позволяют, все же 30-мм покруче пулеметов будут. Сейчас эритрейцы по ночам атакуют архипелаг — подкрадываются на малом ходу и обстреливают эфиопские посты. Уже есть серьезные потери — они же не в укреплениях сидят. А попасть по ним в ответ очень трудно — уж больно малые да верткие. Да и ночи, как назло, безлунные. Сегодня установили вокруг базы десяток танков Т-55, что привезли с собой эфиопы, будем пристреливать рубежи заградительного огня по реперам, так что сегодня не обращайтесь вниманию на пальбу. Пушки у них серьезные, дальность большая, снарядов — завались, так что поглядим еще, кто кому больше всыплет.

Начальник политотдела тоже ничего веселого не сказал:

— И еще для вас прибавится работы, надо по максимуму заполнить береговые емкости с горючим и водой. Поэтому через несколько дней опять пойдете либо в Аден, либо в Джибути. На эскадре сейчас решают по дате выхода.

Офицеры попрощались, оставив Абраменко в невеселых раздумьях. В дверь постучали, зашли первый помощник Пикин и стармех Сакович.

– Вот такие, братцы, новости у нас, – поделился известиями капитан. – Как ты, Франц, себя в машине-то чувствуешь, когда обстрел идет?

– Примерно как в железной бочке, по которой кувалдой бьют. Неуютно. Даже плафон один лопнул сегодня... А так все в порядке.

– В общем, скоро опять выходим, так что не расслабляйтесь...

Над островом загрохотали резкие выстрелы танковых орудий – шла обещанная пристрелка дальних рубежей заградительного огня, теперь вход и выход из базы шел под прикрытием береговой артиллерии. Стало как-то спокойнее.

Вечером принесли радиограмму: выход в Джибути через два дня. Старший на переходе командир тральщика капитан 3-го ранга Носенко.

За это время с танкера скачали в береговые емкости половину топлива и всю пресную воду, разгрузили продовольствие. Немного расслабились – постреляли по мишеням, чтобы не терять форму, и сходили на рыбалку. «Офицерская рыбалка» на Дахлаке выглядела несколько необычно – подходили к заливчику, швыряли пару гранат РГ-42, потом шустро, за пару минут, собирали глушенную рыбу – надо было успеть, пока не подскочили акулы. Которым тоже потом доставалась граната...

Запись в судовом журнале СМТ «Иман»:

3 марта 1990г. 06.45. Снялись с якорей и швартовов. Начали движение в п. Джибути для закупки пресной воды, фруктов и овощей.

Барaban рулетки сделал еще один оборот.....

* * *

Конвой шел обычным порядком, только сейчас, еще до подхода к Шуме, вперед выскочил АК-312 и на полном ходу начал сбрасывать за борт дымовые шашки по курсу конвоя. Это уже была задумка командира тральщика. Вскоре плотная белая мгла окутала корабли выше клотиков мачт. Чтобы избежать столкновения, шли ранее договоренными курсами и по отметкам локаторов. Эритрейцы, видимо, такого не ожидали и не стали вслепую палить ракетами.

Поэтому до Джибути дошли спокойно, передав на тральщик оружие, оставили конвойные корабли на границе территориальных вод и ошвартовались к причалу для ролкеров у южного мола Фонтенбло. За-

каз был сделан еще в море по радио, поэтому шипчандлер уже ждал с документами и грузом овощей в фурах. Сразу подсоединили приемные шланги для воды. Капитан с первым помощником пошли в консульство, людей, не занятых на вахте и погрузке, было решено отпустить в увольнение, побродить по городу.

Сам город и порт Джибути (некогда Французское Сомали) особого удивления у моряков не вызывал – все уже не раз тут побывали. Сейчас обращало на себя внимание только обилие военных на улицах, в основном «Кепи бланш» (Иностранный легион), и корабли французской эскадры Красного моря. Была тут, как всегда, и неразлучная парочка фрегатов «Виктор Шельшер» и «Дудар де ла Гре», хорошо знакомых по предыдущим рейсам.

Все увольнение прошло спокойно. Погрузка также шла своим чередом, ничего не напоминало о близкой войне. Восьмого марта провели празднично, утром на собрании поздравили судовых женщин, сами подготовили праздничный обед (умельцев на судне было немало), в общем, в грязь лицом не ударили. Знали, что впереди предстоит еще немало испытаний, надо поднять дух. Тем более что севастопольские женщины и сами в панику не впадали, и мужикам не позволяли, стойко перенося обстрелы.

Вышли уже после обеда, в 15.44 снялись с якоря и уже в 18.45 вышли за пределы территориальных вод государства Джибути. Переход шел в условиях трехбалльного волнения, что у моряков именуется «свежей погодой», и нескольких тропических ливней.

Однако спокойствие длилось недолго – 10 марта в 6.02 вошли в территориальные воды Эфиопии, перестроились в конвойный ордер и сыграли боевую тревогу. Стрелки встали к пулеметам, аварийные партии надели снаряжение. Потянулись минуты ожидания.

Барaban рулетки снова начал вращение....

Выписка из судового журнала СМТ «Иман»:

10 марта 1990 г. Красное море.

14.39. Начали противоартиллерийский зигзаг. Взрыв снаряда на дистанции 3 кбт.

14.46. Взрыв снаряда справа 90, дистанция 3 кбт.

14.51. Взрыв двух снарядов справа 90, дистанция 2-3 кбт. Тральщик и АК начали постановку дымзавесы.

17.10. Ошвартовались кормой к причалу №2 о.Дахлак.

21.45. Начали обеспечение 933 ПМТО и кораблей.

На этот раз обошлось без осколков... Стали уже привыкать, насколько этот термин можно применить к военным действиям.

* * *

Командиры конвойных кораблей и капитаны вспомогательных судов собрались в штабе посоветоваться, как жить дальше. Ситуация явно никого не устраивала, пассивно ждать, пока в тебя влепят 130-мм реактивный снаряд, отнюдь не самое лучшее решение. Но как этого избежать?

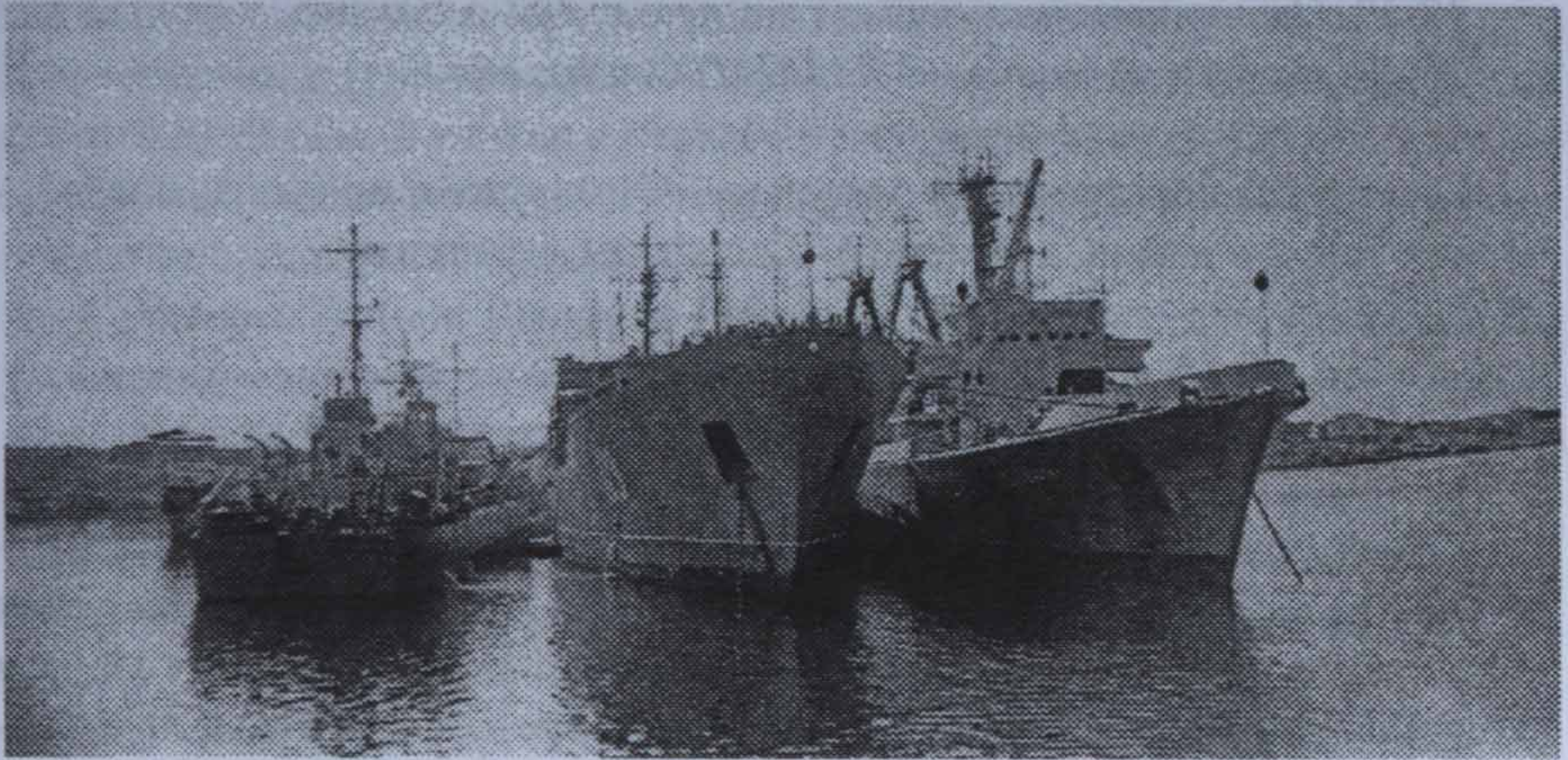
Корабельная артиллерия тральщика и АК по берегу стрелять не может – 30-мм для этого дела – калибр явно несерьезный, попросту не достанет, подойти поближе к берегу и смести батарею огнем – невозможно из-за запрета стрелять первыми. Да и риск большой. Тут для достойного ответа пушки нужны явно покрупнее – как минимум 76-мм, а лучше эсминец со 130-мм главным калибром – порядок бы быстро навели. В свое время эсминец «Веский» тут возле Массауа неплохо поработал, еще в ту войну.

Однако командир базы пояснил, что Москва не дает добро на применение более мощного оружия – все же Союз с Эритреей официально не воюет. Дипломатия-с!

Командирам и капитанам надоело под обстрелами дергаться, изображая мишени, совместно решили поменять тактику – на закате быстро выскакивать из бухты на рейд (в темноте невозможно – северный выход узкий и извилистый) и становиться на якорь. Светомаскировка полная, ходовых и стояночных огней не включать. Ночью на постах танкера оставлять стрелков, оружие на кораблях держать в готовности к применению. Плюс патрульные катера эфиопов в дозоре, плюс береговые патрули и наблюдательные посты.

В предрассветных сумерках на полном ходу выходить в пролив, чтобы проскочить Шуму еще затемно.

АК-312 должен был на 25-узловом ходу пройти вперед по курсу конвоя и набросать дымовых шашек, чтобы к подходу кораблей видимость была для эритрейцев нулевой.

Ход держать 10–11 узлов и не рыскать по курсу во избежание столкновения, контролировать обстановку локаторами. Возвращаться назад таким же манером, только уже ночью, со светомаскировкой и радиомолчанием. Иного выхода просто не было. Так и решили, закрепив приказом по части. И получилось! С тех пор ни разу никого на выходе не приловили, только в пути или при подходе к базе...

В таком режиме танкер начал ходить до Джибути и обратно, почти как рейсовый пароход. Изредка удавалось проскочить без обстрела, но чаще на траверзе Шумы в темноте поднимались огненные трассы летящих реактивных снарядов и гремели взрывы.

Темнота тропической ночи и светомаскировка спасали от попаданий, хотя и существовала опасность при маневрировании наскочить на рифы. Но постоянное напряжение выматывало и людей и судно. Всем требовалась передышка...

В каюту капитана пришел старший механик.

— Все, Володя, надо на пару недель в ремонт, а то реверсами скоро главный двигатель угробим. Да и кондишен барахлить начал, все же дырку тогда неплотно заделали, фреон уходит. А без кондишена дело швах...

— Ладно, Франц, составляй ведомость, попрошу на эскадре две недели ППР. Больше не дадут — надо топливо возить постоянно, сейчас много эфиопских кораблей на снабжении.

Танкер приткнулся к плавмастерской, у механиков и мотористов началась работа.

А на острове было невесело – надо было снабжать несколько тысяч солдат и беженцев, спасшихся из Массауа и расселенных по деревням и палаткам на островах Дахлака – Кебир и Фатма. Среди них было много больных и раненых. Запасы базы неуклонно таяли.

Две недели пролетели быстро, и танкер сразу был направлен в Аден за горючим, водой и продовольствием. Попутно надо было зайти в Асэб, высадить 19 человек демобилизованных и офицеров ПМТО.

Выписка из судового журнала СМТ «Иман»:

11 апреля 1990 г.

03.30. Снялись с якоря. Следуем в п. Аден.

03.54. При выходе на внешний рейд начался обстрел. Фрегат F-1617 произвел четыре залпа кормовой установкой «Град» по п-ову Бури.

04.20. Обстрел прекратился. Следуем в охранении АК-312 и МТЩ «Разведчик».

До середины мая танкер успел сделать еще два рейса в Аден. На обстрелы смотрели уже как на привычное дело. Уже знали, что будут бить из десяти трубчатых направляющих, неприцельно и с большим рассеиванием. Успевают эритрейцы сделать не больше одного залпа. Самое страшное – смотреть и ждать, стиснув зубы от бессилия.

Проклятая рулетка крутилась ...

С 12 по 19 мая танкер производил заправку кораблей и береговых цистерн.

В это время на остров, в сопровождении кораблей конвоя шел танкер Приморского пароходства «Интернационал». И тут эритрейцы применили свою новую тактику, а наши моряки показали, на что они способны...

* * *

Уже с 14 мая началась другая тоска отсчета в обороне острова. Вечером тральщик и танкер «Интернационал» (зафрахтованный для ВМФ в Приморском пароходстве), вышли на внешний рейд бухты Мус-Нефит и в три часа ночи начали движение.

Несмотря на светомаскировку, они были обнаружены эритрейцами,

и из-за островов полетели реактивные снаряды «Градов». Разрывы приходились далеко от курса – артиллеристы явно мазали.

Только конвой вышел из зоны обстрела, как радиометристы тральщика доложили о появлении на экране четырех целей, движущихся прямо на корабли. Из темноты выскочили четыре катера и с ходу открыли огонь из пулеметов и безоткатных орудий по танкеру. Командир тральщика, приказав капитану «Интернационала» уходить на максимальной скорости, принял бой. Огнем бакового орудия и пулеметов удалось утопить один катер, остальные, отстреливаясь, отвернули на полном ходу и исчезли за островами. Весь бой длился восемь минут, моряки вели огонь такой интенсивности, что из восьми тонн штатного боекомплекта, расстреляли шесть. Тральщик получил много мелких повреждений корпуса и надстроек, был ранен матрос-пулеметчик.

На острове уже все знали о происшедшем и обсуждали его все – от матроса до командира базы. Это было первое нападение эритрейских катеров на конвой и первый бой кораблей эскорта, когда они наконец-то смогли применить свое оружие в соответствии с боевым распоряжением.

Однако «наверху» расценили этот бой неоднозначно, и долго колебались, наказать или наградить командира и экипаж. Все же здравый смысл возобладал, и экипаж был щедро представлен к наградам, которые, как водится, получили отнюдь не все, их заслужившие.

Потом, по возвращении в базу, парясь в сауне «Имана», командир тральщика рассказал Абраменко об интересных распоряжениях, полученных из штаба эскадры по радио, когда все уже закончилось. Сначала, на второй минуте боя, пришла команда «В бой не вступать. Осмотреться», потом дали указания по ведению огня и сразу затребовали данные об израсходованных боеприпасах, потом потребовалось срочно предоставить биографические данные на командира и замполита и венцом нелепости явилось распоряжение о срочном принятии в члены ВЛКСМ раненого пулеметчика старшину 2-й статьи Игоря Швеца.

– Слушай, Володя, у нас еще же одного ранило! Моему заму на голову чайник упал! Ну ничего, у него голова крепкая, столько матов я от него никогда раньше не слышал, – смеялся Носенко. – Моряки мои первый раз в такую переделку попали, но не сплеховали, такой огонь дали! – А вот два моих лейтенанта оплошали – помрачнел командир.

На «Имане» все эти события восприняли без особой радости – для танкера это означало усложнение и без того смертельно опасной работы. К тому же с борта забрали оружие, теперь на переходе охрану

должно будет нести отделение морской пехоты с крупнокалиберными пулеметами и гранатометами. Но какой бы не была опасной работа, ее надо было делать – остров требовал все больше горючего, воды и продовольствия, боеприпасов.

Ибо другого пути кораблям, чем через простреливаемый пролив Массауа, в природе просто не существовало.

Следующий выход в Аден был назначен на 20 мая, туда удалось проскочить без обстрела, на обратном пути 30 мая корабли были как-то вяло обстреляны с Шумы. Снаряды легли в 3 кабельтовых по левому борту.

Танкер дал полный ход и, оторвавшись от тральщика, направившегося к АК-312 и давшего радиограмму о помощи, влетел в узкий проход бухты, подсвечивая себе прожекторами. Рулетка опять сработала вхолостую

Через час на рейд подошел «Разведчик», ведя на буксире АК-312 с отказавшими двигателями. Оказалось, что 27 мая катер, приняв на борт почти 70 человек демобилизованных морских пехотинцев, должен был на полном ходу проскочить пролив и доставить их на госпитальное судно «Енисей», идущее в Севастополь, затем взять на борт столько же человек замены, и доставить их на остров. Надежда командования была на скорость и темноту.

На траверзе Шумы АК-312 был атакован шестью эритрейскими катерами и вступил в бой, утопив один из них. Уходя от погони на максимальной скорости в 35 узлов, катер отстреливался из пушек и пулеметов. Чтобы сбить с курса преследователей, капитан-лейтенант Белый принял беспрецедентное решение – сбросить глубинные бомбы. Они рванули под флагманским катером, разнеся его в куски, остальные катера повернули обратно. От гидродинамического удара вышел из строя один из дизелей, катер был вынужден сбавить ход и срочно ремонтировать двигатель.

На обратном пути эритрейцы напали снова. В ходе скоротечного боя АК-312 уничтожил еще один катер, отбив атаку.

И уже на подходе к острову неожиданно загорелся главный распределительный щит, катер потерял ход, вышли из строя все электроприборы. Но, главное, моряки потеряли возможность вести огонь из пушек и надеялись только на пулеметы. И тут подоспел «Разведчик»...

Катер сразу поставили на ремонт к плавмастерской – он пробыл на острове больше года (два срока) и уже стал сдавать.

На совещании в штабе командир базы обратил внимание на все более ухудшающуюся обстановку вокруг острова. Снаряды «Градов» с катеров стали все чаще падать в расположении базы. Патрульные катера и сторожевые корабли эфиопского флота ведут тяжелые бои на море и несут серьезные потери. Отбито несколько вылазок диверсионных групп, много сил отнимает патрулирование побережья и охрана периметра базы.

Но есть и хорошие новости для командиров кораблей. Им на замену идут из Севастополя тральщик «Дизелист» и малый противолодочный корабль МПК-118 «Молдавский комсомолец» с 76-мм артиллерией, позволяющей вести прицельный огонь по берегу, что должно облегчить проводку конвоев и отбивать катера на дальних дистанциях.

Танкер «Иман» будет заменен танкером Балтийского флота «Шексна», более маневренным и быстроходным. Эфиопские части провели перегруппировку и теперь готовы к оборонительным боям и отражению десанта. Но моральное состояние их частей, после пережитых поражений, низкое.

Разговор прервал слитный грохот танковых орудий, открывших заградительный огонь. Залпы сотрясали воздух, далеко в море частоколом вставали белые столбы разрывов, отсекая черные точки эритрейских катеров, идущих к острову.

* * *

Из окон здания штаба базы в бинокль был виден медленно, с креном на правый борт, идущий в базу эфиопский патрульный катер. Он рыскал на курсе, из машинного отделения тянулся черный маслянистый дым с языками пламени. Из носовой турели с бессильно опущенными стволами спаренного 23-мм орудия свешивались тела погибшего расчета, на верхней палубе не было видно живых, только на командном мостике виднелась перевязанная белым голова. Потом кто-то, шатаясь, вышел на бак и отдал якорь. Катер, не останавливая моторов, стал медленно крутиться вокруг якоря — цепи, видимо в машине уже не было никого в живых. Черный дым траурной пеленой поднимался в небо, слышался треск рвущихся в огне пулеметных патронов.

К горящему катеру на полном ходу подскочили два малых патрульных катера, забрали с палубы и надстройки по несколько человек ра-

ненных и быстро отошли – тушить его было бесполезно. Как потом оказалось, отошли очень вовремя. Через несколько минут огонь подобрался к бакам с горючим, раздался взрыв, полетели обломки, и катер затонул кормой, показав покрытый пробойнами борт с белым, закопченным номером «Р-202». На поверхности воды оста-

лись только плавающие обломки и лужицы горящего топлива. Это был один из четырех больших патрульных катеров американской постройки типа «Свифтшипс-105», полученных еще королевской Эфиопией. Не стало еще одного из наиболее боеспособных эфиопских кораблей, вооруженного четырьмя 23-мм пушками и крупнокалиберными пулеметами «Браунинг». Из 17 человек экипажа катера выжили только семь раненых, погибли и все его офицеры.

А остров продолжал сотрясаться от артиллерийского огня – эритрейские катера еще крутились в пределах видимости. В их сторону, стреляя на ходу, уже шел сторожевой корабль Ф-1617 и три эфиопских катера.

Катера с ранеными подошли к пирсу, где их уже ждали две санитарные машины и начмед базы майор Демеев. Машины увезли раненых в санчасть базы, там уже была готова операционная.

Весь экипаж «Имана» стоял у борта и хмуро наблюдал, как мрачные эфиопские моряки смывали из шлангов кровь с палуб катеров и розовая вода, пузырясь, уходила в шпигаты. Война показала еще раз свое отвратительное лицо.

Командный состав танкера, не сговариваясь, собрался в кают-компании, настроение было неважным. К первому помощнику Пикину посыпались вопросы: когда закончится рейс, будет ли долгожданный заход в Абу-Даби для отдыха. Всем уже изрядно надоело постоянное напряжение походов, томительные минуты ожидания взрывов снарядов и гадание «попадет – не попадет». Все же они являлись гражданскими людьми, и их задачей была отнюдь не война, хотя они и вели себя на ней вполне достойно. Пикин, как мог, отвечал на вопросы, дожидаясь прихода капитана.

Абраменко пришел из штаба базы мрачным, принесся неприятные

новости. Главный штаб ВМФ «в целях экономии горючего и моторесурса» решил отменить заход «Имана» в Абу-Даби. Известие об этом вызвало взрыв возмущения у всего экипажа, ведь этот заход был запланирован в боевом распоряжении на поход еще в Севастополе. Сгоряча несколько человек даже положили на стол капитана рапорта об уходе. С трудом капитану с первым помощником удалось утихомирить моряков – послезавтра предстоял очередной конвой в Аден, где можно было все узнать подробнее в штабе эскадры, тем более что корабль управления «Баскунчак» тоже подошел в Аден из Персидского залива.

Выписка из судового журнала СМТ «Иман» от 05.06.1990 г.:

07.30. Снялись с якоря. Следуем в п. Аден.

08.43. Справа по борту 5–7 кбт взрыв снаряда. Увеличили ход до самого полного.

08.47. Взрыв снаряда по правому борту в 5 кбт.

08.50. Взрыв снаряда справа в 4 кбт.

08.53. Взрыв снаряда справа 2 кбт.

08.54 Взрыв снаряда справа в 1 кбт.

09.10. Взрыв снаряда слева в 0,8 кбт.

Капитан, до боли сжав в руках бинокль, диктовал вахтенному помощнику координаты приближавшихся в пелене дымзавесы взрывов и мучительно ждал попадания. На мостике царила гробовая тишина, прерываемая только голосом капитана и глухими гидродинамическими ударами по корпусу. Да со стороны тральщика уже привычно доносилась песня Высоцкого «Я – корабль конвоя», которую командир всегда приказывал пускать по трансляции верхней палубы при входе в зону обстрела.

Рулевой, сжав штурвал в сразу вспотевших ладонях, побелевшими губами шептал про себя молитвы. Такого интенсивного обстрела танкер еще не переживал. От последнего взрыва по палубе зазвенели горячие осколки, несколько их на излете ударили в стекла ходовой рубки.

Больше разрывов не было, и танкер с кораблями эскорта вырвались из облака дымзавесы на яркое солнце, к жизни.

По приходу в Аден капитан добился встречи с командующим эскадры. Тот, разобравшись в ситуации, поддержал ходатайство капитана перед Москвой, и экипажу был разрешен заход в Абу-Даби для отдыха и пополнения запасов воды, топлива и продовольствия для базы. Это,

как потом выяснилось, вызвало недовольство в штабе Черноморского флота.

На обратном пути на Дахлак обстрелов не было. Рулетка опять сработала вхолостую.

22 июня 1990г. танкер «Иман» уже швартовался в Абу-Даби, где люди наконец-то смогли отдохнуть от нервного напряжения и опасности. Даже не верилось, что в Эмиратах живут так спокойно, когда в Эритрее идет война, а Персидский залив кишит минами, на которых подрываются супертанкеры.

Однако через неделю «Иман» снова был на переходе к Дахлаку. Удивительно, но обстрела и атак катеров удалось избежать. Командир базы объяснил, что накануне эфиопские сторожевики нанесли удар из установок «Град» и корабельных орудий по острову Шума. Стреляли «по площадям», но эффект налицо – уже десять дней как тихо. Только несколько эритрейских катеров ночью в отместку обстреляли остров, впервые снаряды упали на территорию внутри базы и на внутренний рейд. На острове стало тесно от кораблей, все причалы были забиты катерами, десантными кораблями и вспомогательными судами эфиопского флота, много их теснилось на рейде.

Наконец, наступил долгожданный день – пришел приказ на переход в Севастополь. Моряки тепло распрощались с командованием базы и экипажами кораблей, с которыми сроднились за эти полгода необъявленной морской войны.

14 июля 1990 г. в 7.35 «Иман» снялся с якоря и взял курс на Аден. За кормой таяли очертания плоских берегов архипелага, куда он больше уже никогда не вернется. Снова объявили тревогу, снова из динамиков тральщика по морю разносится знакомая песня «Я – корабль конвоя», снова дымзавеса и томительное ожидание обстрела.

Но с Шумы не доносится рева стартующих снарядов «Градов» и опасную зону прошли спокойно. На границе территориальных вод Эфиопии тральщик и АК-312 сбавили ход и, подняв флажный сигнал «Счастливого плавания» легли в дрейф, ожидая танкер «Шексна», шедший из Адена на остров.

– Ну, все. Теперь домой! – с облегчением сказал Абраменко и ушел с мостика в свою каюту. Напряжение последних дней спало, и он спокойно прилег на диванчик и провалился в сон.

Экипаж с оживлением ждал возвращения. Потянулись снова Суэцкий канал, Дарданеллы, Босфор.

Выписка из судового журнала СМТ «Иман»:

27.07.1990 г. Черное море.

7.30. Вошли в территориальные воды СССР.

19.00. Ошвартовались кормой к причалу № 43 п. Севастополь.

На причале было все, что положено – флотский духовой оркестр, играющий «Легендарный Севастополь», толпа встречающих, приветственные крики с рядом стоящих судов бригады вспомогательного флота, белопенная волна фуражек и бескозырок.

Трап коснулся бетона причала, Абраменко, в парадной форме, чекая шаг, подошел к заместителю командующего Черноморским флотом и отдал короткий рапорт. Потом они обнялись. Традиционного жареного поросенка капитану поднесли два мичмана с береговой базы. А потом все закрутилось в кутерьме радостной встречи. Танкер заполнили родные и знакомые, кругом были счастливые лица и радостные слезы...

И только поздно вечером, у себя дома капитан Абраменко понял, что все уже позади...

Эпилог

Для танкера «Иман» и его экипажа эта боевая служба закончилась благополучно, но для других, пришедших им на смену, необъявленная война в Красном море продолжалась еще долго.

933-й ПМТО ВМФ СССР был эвакуирован с острова Нокра только в

феврале 1991 г. Режим Менгисту Хайле Мариама вскоре был свергнут, и Эритрея стала свободной.

Капитан Абраменко написал представление на награждение членов экипажа правительственными наградами. В список, утвержденный командованием 8-й оперативной эскадры и штабом Черноморского флота, вошли боцман А. Киреев, 2-й механик Л. Дьяконов, старший моторист В. Григоренко, 1-й радиооператор Л. Лебедев. Сам Абраменко был внесен в представление на награждение командиром 8-й ОПЭСК адмиралом В.А. Сергеевым. В представлениях на награды была формулировка «За героизм, проявленный в ходе боевой службы».

Но пока документы «ходили» по бюрократическим цепочкам Министерства обороны, проходя всяческие согласования и уточнения, Советский Союз распался на суверенные государства, и всем стало уже не до наград, да и самих советских наград уже не стало. Статус участника боевых действий никто из членов экипажа «Имана» также не получил — в перечень боевых действий закона «О ветеранах» события на Дахлаке были внесены только в 2010 году.

Капитан Абраменко после отказа властей в предоставлении российского гражданства был вынужден покинуть ряды вспомогательного флота ВМФ России. Ныне он ходит в море на судах под иностранным флагом. По-разному сложились и судьбы членов того экипажа танкера «Иман», но капитан знает и помнит их всех.

Первый помощник капитана Константин Пикин работал на «Имане» до последнего дня. Умер в декабре 2003 — инсульт. Старший помощник капитана Сергей Птушкин в середине 90-х ушел работать под иностранный флаг. Последнее время работал капитаном на бункеровщиках в Персидском заливе. 2-й помощник капитана Леонид Левданский работал на «Имане» до 2009 года и в возрасте 74 года ушел на пенсию. 3-й помощник капитана Юрий Фролов в середине 90-х ушел работать под иностранный флаг, где работает и сейчас.

Старший механик Франц Сакович ушел с Имана 01.06.2012 на пенсию. 2-й механик Лев Дьяконов работает на Имане до сих пор. 3-й механик Вячеслав Ефремов в середине 1990-х ушел работать под иностранный флаг, где работает и сейчас. 4-механик Юрий Панкрушин работает сейчас 3-м механиком на «Имане». Эл. механик Владимир Старков ушел с «Имана» на пенсию в 2009.

Начальник радиостанции Михаил Карахтинцев в 2000 г. ушел работать под иностранный флаг. 1-й радиооператор Леонид Лебедев в конце

90-х ушел с «Имана» на пенсию и вскоре умер. Судовой врач Игорь Васильев ушел с Имана в 1992 году. Работал главным врачом в санатории для ветеранов ВОВ.

Боцман Алексей Петрович Киреев, приняв танкер «Иман» в 1966 в Финляндии, умер в 1996, проработав на «Имане» 30 лет без перерыва. Матрос 1 класса Игорь Лозовицкий закончил мореходное училище, сейчас работает капитаном на буксирах под иностранным флагом. Старший моторист Иван Генов работает на «Имане» до сих пор, хотя ему уже 70 лет. Старший моторист Валерий Григоренко, проработав на «Имане» более 20 лет, в 2003 ушел на пенсию. Остальные члены экипажа в начале лихих 90-х ушли искать лучшей доли на берегу.

А вообще, как считает Абраменко, «за всю мою морскую службу такого дружного и спаянного экипажа, каким был экипаж «Имана» на той боевой службе, с которым можно было идти не только в разведку — больше не было».

Все, кто остался на «Имане», продолжают периодически нести службу в Средиземном море. С последней боевой службы «Иман» вернулся в конце мая 2016 года из порта Тартус (Сирия).

Средний морской танкер «Иман» продолжает нести службу в Черноморском флоте ВМФ России.

Морской тральщик «Разведчик» продолжает службу в ВМС Украины под названием «Черкаси». Его бывший командир Виктор Носенко ныне контр-адмирал украинского флота. Статус участника боевых действий он получил за участие в операции по разминированию Персидского залива.

Артиллерийский катер АК-312 бригады ОВР Керченско-Феодосийской военно-морской базы был сдан на слом и ушел в переплавку.

На обоих кораблях были награждены боевыми орденами и медалями командиры и некоторые члены экипажей. Несмотря на это, участниками боевых действий они не признаны и отстаивают свое право в судах.

Многие события той необъявленной войны засекречены до сих пор.

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ

Начальник лазарета 441-го зенитно-ракетного полка капитан Михаил Криволап по прозвищу «капитан Мишель» был натурой неординарной и увлекающейся, насколько это возможно в рамках армейской гарнизонной службы. Увлечения его широко простирались от глубоких философских размышлений о смысле бытия и цитирования латинских афоризмов до банальных офицерских пьянок с резкой критикой вышестоящего начальства и последующим исчезновением на пару дней. Поскольку это начальством воспринималось без энтузиазма, Мишель гулял в «пятнадцатилетних капитанах», что его нисколько не смущало. Вообще военная служба богата разными интересными случаями. Два года службы, проведенные в 130-й бригаде ПВО, или, как у нас говорили, на «Самане», оставили мне много интересных воспоминаний, а некоторые случаи позволю себе представить на суд читателей.

О прическах

Капитан Мишель обладал пышной курчавой шевелюрой, которая постоянно вылезала у него из-под форменной фуражки, была предметом его гордости и тихого раздражения полкового начмеда майора Кулешова, имевшего в свои 35 уже приличных размеров лысину.

Однажды майор, стоя перед зеркалом, тщательно расчесывал свою седеющую голову, пунктуально раскладывая волос к волоску на лысеющих участках. Одновременно он инструктировал меня по поводу доставки больного солдата в госпиталь. Мимо своей обычной развалистой морской походкой фланировал капитан Мишель. Проходя мимо шефа, он с подчеркнутой заботой сказал:

– Николай Анатольевич! Вы бы это, поплотнее волосики укладывали, а то справа пара реденьких высовывается.

Майор, поняв намек, не прерывая процесса, невозмутимо отпарировал

– Знаете, Михаил Леонтьевич, ученые агрономы давно сделали вывод, что обильная растительность появляется преимущественно на навозной почве!

Мишель удивленно икнул и без комментариев гордо прошествовал дальше, до аптеки. Крыть было нечем – шеф его переиграл всухую!

Увольнение Вовы

Вова Машинков до службы в армии окончил во Владивостоке музыкальную школу, и неплохо играл на виолончели. О наличии у себя музыкального слуха он неосторожно упомянул в карантине, надеясь пристроиться куда-нибудь в оркестр. Не тут-то было! Учитывая музыкальный слух, Вову, из чувства вредности, «пристроили» в дизелисты на подземный командный пункт. И теперь чуткие Вовины уши уже год слушали рев дизелей, когда-то стоявших на подводной лодке. Несмотря на солидный стаж службы, Вова был тихим и спокойным парнем, без каких-либо командирских амбиций, просто хорошим спецом. Нес вахту на КП, потом возвращался в казарму, отдыхал и снова ехал со сменой на вахту.

Начальство корпуса решило строить бетонные арочные ангары на аэродромах ПВО, и сразу потребовалось много рабочих рук. Из всех дивизионов бригады направили в командировки солдат, отправили и часть бойцов с КП. Вова и вовсе стал не вылезать из своих дизелей и даже спал там. Иногда он, бледный и чумазый, появлялся в казарме и снова исчезал. Грянули учения, и на КП бригады появилась куча начальства с крупными звездами и лампасами. Работа кипела – со всех сторон летели учебные цели, ракетные дивизионы условно их «сбивали» – военная машина ПВО крутилась на полных оборотах. И тут начал «сдыхать» основной дизель, ставя под угрозу все учения. Вова молниеносно переключился на запасной дизель, который сам же ввел в строй буквально пару часов назад – тот не работал уже неделю. Аппаратура КП, мигнув, снова заработала – учения продолжались. Все кончилось благополучно. После учений Вове присвоили звание младшего сержанта и выпустили в увольнение на сутки.

И Вова, непривычно чистый и парадный, рванул в субботу с утра домой во Владивосток.

А в понедельник он уже стоял возле штаба перед строем батареи управления, бледный, в мятой шинели без ремня, и выслушивал громогласные изречения начальника штаба, описывающие его приключения. Оказалось, что Вова, изрядно погуляв в кругу друзей и подружек, в положенное время направился в часть. Автобусы вечером уже не ходили, топтать было километра три. Рассовав по карманам четыре бутылки водки для друзей, Вова решил по холодку прогуляться пешочком. Однако ослабленный алкоголем организм подвел, и воин распластался на до-

роге, не дойдя до КПП с полкилометра. И лежать бы ему на ноябрьском холодке долго, однако тут, на его счастье, из города на машине возвращался начальник политотдела. Вова был заботливо загружен в уазик и доставлен в сонном состоянии сразу на бригадную кичу.

Начальник штаба майор Трофимов, по прозвищу «Конкретный», был мужиком суровым, но справедливым. Отметив, что разгильдяй Вова нажрался в своем первом увольнении, чем существенно понизил рейтинг воинов ПВО в глазах общественности, тем не менее, он подчеркнул, что лежал Вова на дороге головой к части (думал о службе!) и нес в кармане бутылки явно не для себя (значит, заботился о своих боевых товарищах).

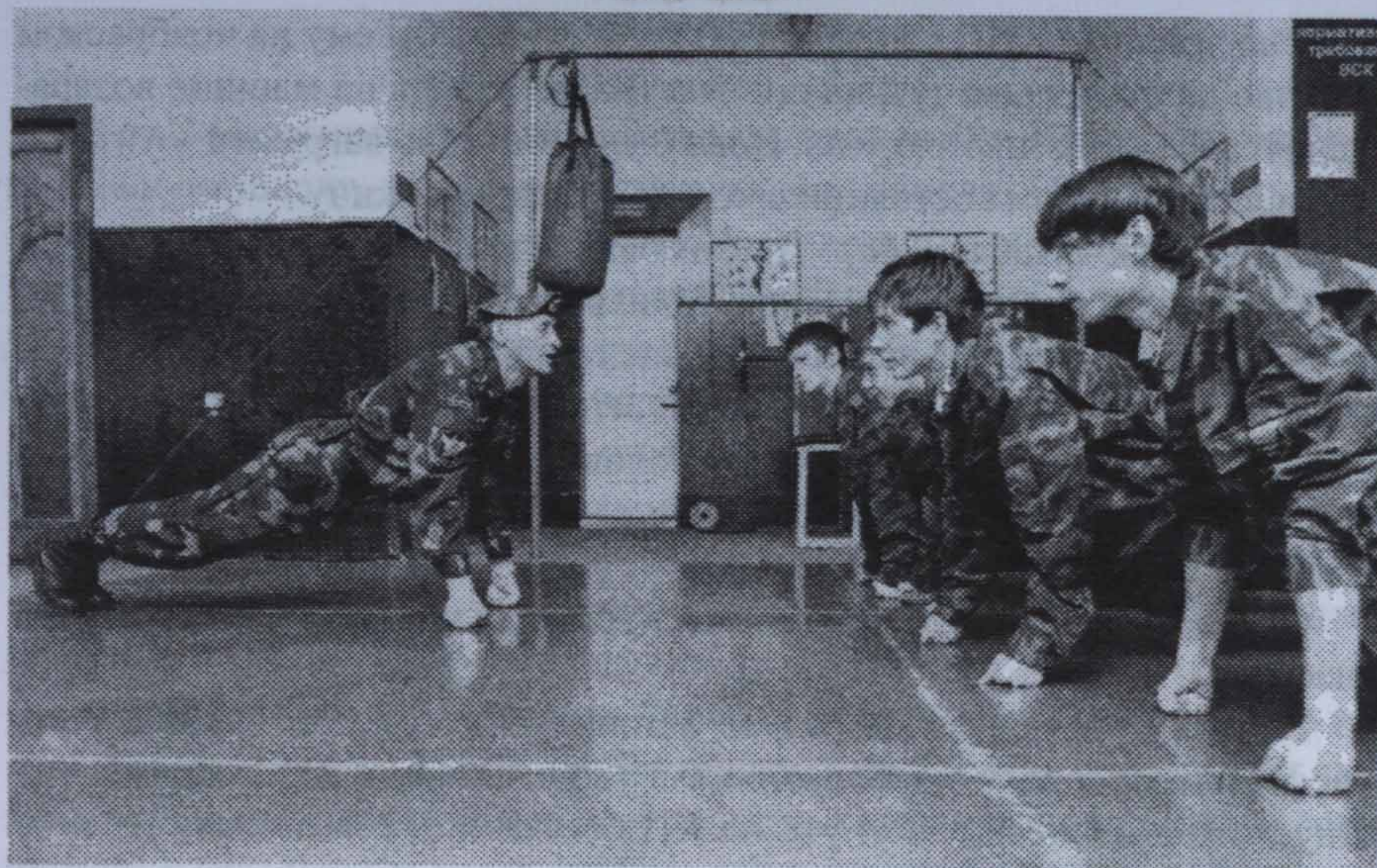
Следовательно, заслуживал некоторого снисхождения и смягчения участи.

Поэтому, торжественно содрав с Вовиных погон новенькие лычки, Трофимов распорядился Вову более в увольнении до конца службы не отпускать и на месяц засунуть на КП бессменно. Нечего ему на губе отдыхать. И Вова с облегчением вернулся снова к родным дизелям, тренировать музыкальный слух.

О войнах-спортсменах

В нашей 130-й бригаде начальником по физподготовке был капитан Сарафанников. По тогдашним нашим солдатским понятиям нормальный мужик – умеренно потребляющий, не злобный, порядочный семьянин. Преображался в уставного офицера он только тогда, когда его ставили дежурным по части: гонял народ на разводе, часто проверял посты и незамедлительно отправлял на кичу дрыхнувших часовых. Но за это не обижались – все было по делу, служба есть служба. В обычное время начальство гоняло его по всяким поручениям, ибо отношение к физподготовке в нашей в части было, прямо скажем, никакое. Ну, по утрам гоняли солдат на зарядку, вечером на прогулку – так это старшины и так всегда делали по долгу службы.

А ежели кто из солдатиков батареи управления после утомительной смены на подземном КП вдруг пожелает размяться на спортплощадке, волейбол там погонять – обычно тут же из окна, как черт из табакерки, высовывался начштаба и зычно требовал к себе старшего по званию. Затем все «спортсмены» организованно направлялись в парк таскать

аккумуляторы или «припахивались» еще куда-нибудь. Ибо НШ резонно считал, что затрата физической энергии должна идти исключительно на пользу Отечеству.

Тем не менее, спортсменом у нас можно было стать и другими путями. Общеизвестна неистребимая страсть военных срочной службы украшать свои мундиры всякими красивыми блестящими значками, прямо или косвенно относящимися к военной тематике. Одним из таких желанных атрибутов каждого уважающего себя бойца был значок «Военно-спортивного комплекса», высоко котировавшийся и у солдатских подружек. Поскольку легально получить его не предоставлялось возможным, хитрые воины находили разные лазейки.

Одной из них являлся сам капитан Сарафанников. Была у него машина (редкость по тем временам для младшего офицера), раздолбанная «Победа», доставшаяся от отца. Ее бесконечно чинили в автопарке, заводилась она уже не от аккумулятора, а «с толчка» или «кривым стартером». И ведь всегда находились желающие и толкнуть и покрутить. Ибо расплачивался капитан дефицитными спортивными значками, причем их степень зависела от усердия воина, кое определялось капитаном «на выпуклый военно-морской глаз» (он раньше служил во флоте). Так у нас в части расплодилось великое множество воинов-спортсменов. Ка-

юсь, и я, толкнув пару раз от санчасти капитанову «Победу», украсил свою широкую грудь значком сразу второй степени. Уж больно хотелось иметь что-нибудь кроме скромного комсомольского значка.

Про «мочунов»

После каждого призыва в части, как правило, ночью, появлялась толпа напуганных лопоухих новобранцев. Их мыли, стригли, переодевали в форму и вели в казарму. Утром они просыпались, и для них началась новая, уже солдатская жизнь. С подъемами и отбоями, строевой подготовкой, одеванием за 45 секунд, ревом сержантов и нарядами на кухню. Теперь это называется КМБ, тогда это именовалось карантинном, но суть от этого не меняется. Сущность карантина нам, например, лаконично объяснил ночью дежурный по части. Он вытащил из карманов галифе две обоймы от карабина СКС, одна была нормальной, во вторую были вставлены патроны разного калибра. Продемонстрировав последнюю, он сказал, что сейчас, мол, мы все такие вот разные, как эти патроны, и в бой не годимся. А нас должны сделать в карантине вот такими - и показал нормальную обойму с одинаковыми патронами 7,62 мм. Тогда, мол, с вами можно и повоевать. А ежели кто не желает, то его никто и спрашивать не будет. Родина в опасности! Дело было в 1969 году, только недавно отгремел Даманский, и шутить действительно никто не собирался. Все сразу стало до жути понятно – возврата не будет.

После двух-трех дней изнурительной муштры появлялись желающие «откосить». Каждый год человек пятнадцать из ста двадцати солдат карантина. Самым простым способом им казалось симулировать ночное недержание мочи. «Дули» через силу в койку, жаловались в санчасти ухмылявшимся докторам, сушили матрасы и думали о скорой демобилизации по болезни.

Но, как известно, на каждую хитрую попу находится и кое-что с подходящей резьбой. «Мочунов» размещали на двухъярусных койках в дальнем углу казармы, периодически меняя местами. В военкоматы направлялись телеграммы с запросом, и пока они ходили, с воином проводилась «домедицинская» обработка в виде душевных бесед с командиром карантина, отделенными сержантами и (как крайнее средство) с «особистом». Беседы показывали удивительный терапевтический эффект – начинающие воины вылечивались самым чудесным образом.

Правда, иногда (и очень редко) приходилось солдат помещать в лазарет части или везти в госпиталь для уточнения диагноза или лечения. Но обычно к концу карантина и принятию присяги наступало полное и окончательное излечение.

На моей памяти был один исключительный случай. Парень из сибирской староверческой деревни действительно был болен, но комиссоваться отказался наотрез. В их деревне все мужики, несмотря на веру, отслужили в армии, и ему не хотелось возвращаться с клеймом. Мучился, сушил матрасы, переносил насмешки но служил! И, как ни странно, солдаты и офицеры его понимали и уважали за упорство. Достоинно отслужил в стартовом взводе и уволился в чине ефрейтора. Такой вот нетипичный был «мочун»...

О «самоходчиках»

Наверное, во все времена и во всех армиях существовали воины, чей свободолюбивый дух не позволял им долго находиться в тисках армейской дисциплины. И дух этот заставлял брэнное тело покидать пределы опротивевшей казармы и носиться по местам запретным, нарушая уставы и попирая незыблемые основы военного бытия. Одним словом – бегали, бегают и будут бегать. Бегают солдаты и матросы, сержанты и старшины, курсанты и призывники, отличники боевой и политической и завсегдагаи гауптвахт. Молодость и бьющая через край гормональная энергия выплескиваются через заборы и колючую проволоку и толкают на самые невероятные приключения.

Не была исключением и наша 130-я зенитно-ракетная бригада.

Впервые я познакомился с этим явлением еще в эшелоне призывников, когда один малец, протрезвев, рванув стоп-кран, ломанулся из вагона куда-то в придорожный лес около Тюмени. Был пойман солдатами, сопровождавшими эшелон. Рыдая, объяснял, что хочет к маме, очень соскучился по дому. Ничего, кроме всеобщего ржания, его поступок у нас, разумеется, не вызвал. К мамке ему, видишь ли, захотелось!

Нельзя сказать, что прохождение курса молодого бойца давалось нам легко. Непривычный приморский климат, ветры и туманы, муштра. И домой хотелось нестерпимо. Но ничего, КМБ кончился, приняли присягу, разъехались по боевым дивизионам и начали служить. Меня оставили в санчасти бригады в должности старшего фельдшера.

И вот, подписывая справки о состоянии здоровья воинов (для последующего водворения на кичу), невольно познакомился с ее постоянными клиентами. Особенно потряс некий рядовой Черепахин из автороты, вся служба которого протекала в «самоходах» и отсидках на гауптвахте, с редкими промежутками – в караулах. Сидели тогда серьезно, по 15 суток, по окончании срока получали еще и добавки. Выходило по месяцу – больше уже дисбат. Домой рядовой Черепахин поехал «под елочку» (30.12) прямо с «губы», вещички, заботливо подготовленные друзьями, ему подвезли прямо к эшелону.

Было у нас в бригаде еще несколько интересных субъектов. Например, химик-инструктор. Тогда еще не было термина «токсикомания», но двадцатилетний парень (уже наполовину лысый), активно дышал всякой пакостью, коей у него водилось на складе немерено. Однажды, находясь «под парами», он умудрился угнать из бокса машину химразведки, напичканную под завязку секретной аппаратурой. Причем наложил досок на колючую проволоку, проехал по ним за ограду и покатил по проселочной дороге в город. Не повезло – проехав метров 200, в «газике» кончился бензин (его в баке и так было чуть-чуть, только добраться до склада ГСМ). Потом вылез из машины, вернулся в казарму и улегся спать. Поднятые по тревоге солдаты нашли машину быстро, определились с виновником, моментально вынесли несколько физических замечаний, и утречком хлопец уже ехал на Владивостокскую гарнизонную губу в гости к легендарному мичману по кличке «Джага», именем которого офицеры пугали детишек.

Общаясь с народом на сайте ветеранов бригады, с удивлением обнаружил, что молодежь, пришедшая нам на смену, достойно хранит традиции, а кое в чем нас и переплюнула.

Некий воин ПВО, уроженец Белоруссии, неоднократно пойманный на «самоходах», был отправлен на остров Попова, куда ходил только один паром в сутки. Однако убежал и оттуда, был пойман в вагоне поезда только под Уссурийском. Был заключен в бригадное узилище и, пока начальство думало, что с ним делать, удрал снова. Но уже через ВЫГРЕБНУЮ ЯМУ гауптвахты. Граф Монте-Кристо отдыхает! Был пойман сослуживцами, нашедшими его за четыре километра в кустах по пахучему следу.

А сколько еще подобных легенд хранится в памяти солдат бывших и нынешних! Кто ведает...